

В. А. Туляков, д. ю. н., профессор,
член-корреспондент НАПрН Украины,
заведующий кафедрой уголовного
права Национального университета
«Одесская юридическая академия»

ДИРЕКТИВА 2012/29/EU ЕВРОПАРЛАМЕНТА ОТ 25 ОКТЯБРЯ 2012 ГОДА И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА

Директива 2012/29/Eu Европарламента от 25 октября 2012 года, устанавливающая минимальные стандарты по правам, поддержке и защите жертв преступления, явилась новым базовым документом, определившим примат защиты основных прав и фундаментальных свобод жертвы преступления в национальных системах уголовной юстиции большинства европейских государств.

Принимая ее, Европарламент подчеркнул значимость места и роли защиты прав и свобод жертвы преступления в современной правовой доктрине.

Директива усиливает значимость места и роли жертв преступлений и членов их семей (обеспечение информацией и поддержкой, участие в уголовном процессе, защита жертв и дополнительная помощь в обеспечении с жертвами преступлений со специальными потребностями) в уголовном судопроизводстве.

Директива включает также перечень стандартных процедур по обучению профессионалов, оказывающих помощь жертвам преступлений, устанавливая необходимость единого подхода к жертвам преступлений во всех государствах Евросоюза, введения единых нормативных стандартов и правил обращения и поддержки.

При этом постулируется, что жертва должна занять одно из центральных мест в уголовном процессе, без осознания надлежащей роли которой цели правосудия не будут достигнуты.

Страны Евросоюза обязаны привести свое законодательство в соответствии с настоящей директивой к ноябрю 2015 года.

Указанные положения вновь приводят к необходимости постулирования некоторых базовых положений, касающихся развития доктрины уголовного права в нашем государстве.

1. Постепенное размывание публичности, возврат презюмирования примата индивидуального, частного, приватного над государственным, публичным, общественным очевидны. Отчетливо это прослеживается и в современных уголовно-правовых работах. Однако, как правило, все огра-

ничивается указанием на развитие идей восстановительного правосудия, медиации и примирения в уголовном праве и процессе. Мы сталкиваемся и с формированием институтов компенсации и реституции в уголовном законодательстве и праве Голландии, Франции, Финляндии, Молдовы, Польши, когда компенсация причиненного потерпевшему ущерба осуществляется в рамках уголовно-правовых отношений и заменяет собой наказание. Однако окончательного доктринального оформления в украинской уголовно-правовой науке эта идея все еще не получила. Сами же уголовно-правовые нормы остаются в неизменном виде защитниками и хранителями вечных и незыблемых интересов государства. Нам уже приходилось писать о том, что с целью обеспечения социальной интеграции в деле контроля над преступностью Уголовный кодекс доктринально должен быть выписан не для правоприменителей, а для потерпевших.

2. Несмотря на труды известных украинских ученых (В. Борисов, А. Джужа, А. Дзюба, А. Музыка, В. Навроцкий, Т. Присяжнюк, М. Сенаторов, Н. Хавронюк), обращающих внимание на необходимость учета данного фактора, в большинстве случаев характеристики и значимость института потерпевшего рассматриваются не в качестве основополагающих, а вторичных. Это в определенной степени противоречит как конституционным положениям, так и идеям нового взгляда на структуру уголовно-правовых отношений, в которых фигуры потерпевшего, преступника, представителей государства выглядят как равнозначные.

3. Закон, защищающий простого гражданина, заслуживает его благодарности и понимания. Закон понятый, есть закон одобренный. Закон одобренный – есть закон поддержанный. И от схемы патриархальных взаимоотношений «публичное право – личность» мы выходим к схеме патерналистских отношений. «публичное право – семья – личность». В такой триаде семейственность, одухотворенность публично-правовых норм как раз и означает возможность их повышения их эмотивности, восприятия близости к человеку и его функциям. Подобный подход (личность, общность, общество, государство) более «человечен» и в определенной форме встречается и в действующем законодательстве Украины. Вопрос в том, насколько четко должна быть обозначена эта личностная направленность уголовного законодательства.

4. Возможно, в определенном смысле следовало бы в качестве экспериментальной модели построить теоретический образ Уголовного кодекса, выписанного исключительно под потерпевших как физических лиц (социальных общностей) которым уголовным правонарушением причинен материальный, моральный, психологический или психиатрический ущерб.

Это порождает ряд вопросов, направленных на: выяснение места и роли института потерпевших от преступления в формировании уголовной и криминологической политики государства; определение характери-

стик потерпевших и их благ в системе объектов уголовно-правовой охраны; изменение роли и значения потерпевших в системе уголовно-правовых отношений и ответственности, введя категорию потерпевших в обязательный элемент *corpus delicti*; определение примата личного вреда в определении критериев общественной опасности уголовного правонарушения (преступления и проступка), при категоризации уголовных правонарушений (в перспективе криминализованные деяния, объединяемые в категорию уголовных проступков должны состоять только из дел частного обвинения); определение потерпевшего (специального потерпевшего) как самостоятельной категории уголовного права; распространение случаев криминализации предварительной преступной деятельности только по жалобе потерпевшего; введение институтов согласия потерпевшего, медиации, реституции и компенсации как самостоятельных либо дополнительных форм реализации ответственности за уголовные правонарушения; определение нормативных характеристик учета мнения потерпевшего при назначении наказания, при освобождении от наказания и его отбывания, при применении мер безопасности и мер социальной защиты; ранжирование составов Особенной части в зависимости от значимости охраняемого блага для потерпевших; определение совокупности признаков криминализации деяний против специальных потерпевших в качестве квалифицированных составов преступлений, выделение таких признаков в качестве основных критериев криминализации; формирование особенностей и специфики организации уголовно-правового обращения с общими и специальными потерпевшими; постулирование ответственности правонарушителей, обвиняемых в совершении привилегированных составов только по жалобе потерпевших; определение особенностей обращения с жертвами транснациональных преступлений, терроризма, преступлений против мира и безопасности человечества и международного правопорядка.

Нельзя не сказать, что значительная часть этих вопросов уже поднималась ранее, однако их обсуждение и постепенное насыщение новыми идеями в состоянии постепенно вывести нас на более широкие пласты понимания уголовно-правовой материи.